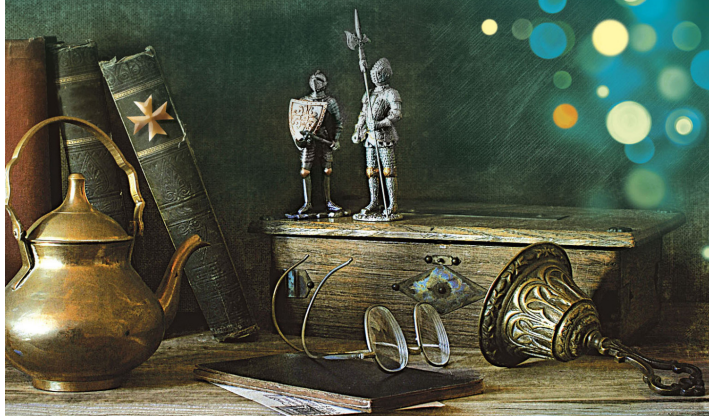

вечерний детектив

Елена ДОРОШ

Крест
Шарлотты

Елена Дорош
Крест Шарлотты
Серия «Вечерний
детектив Елены Дорош»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730333

Крест Шарлотты : [роман] / Елена Дорош: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-169851-5

Аннотация

Звонок сестры нарушил привычный ход жизни Лиги Белкиной. Инта живет в Латвии, от нее ушел муж, и она просит сестру приехать. Лига надеется, что ее отсутствие будет недолгим, но в Межотне с ней начинают происходить странные и пугающие вещи. По Межотненскому дворцу, в который пришлось устроиться на работу, бродит привидение почтенной старой дамы, сестру попытались отравить, да и ее саму чуть не убили. Люди, живущие в поселке, то ли что-то скрывают, то ли вообще не те, за кого себя выдают. Тут еще неожиданные чувства нахлынули, и вовсе не к оставленному в Питере мужу...

Елена Дорош пишет для тех, кто не впадает в уныние, не боится испытаний и ждет от жизни только хорошее. Ее книги – не просто детективы. Они не только о любви. Каждая открывает

увлекательную, порой малоизвестную сторону человеческого бытия.

Содержание

Перед дорогой	5
Шаги в сторону	24
Маршрут построен	37
Остановка по требованию	54
За поворотом	65
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Елена Дорош

Крест Шарлотты

Перед дорогой

– Ты сегодня странная какая-то. Что-то случилось, малыш?

Она не стала просить не называть ее «малыш», не было сил сопротивляться.

– У сестры проблемы, Антош. Наверное, придется поехать в Межотне.

– Какие проблемы? У нее же всегда все нормально было?

У сестры уже давно все было как раз не нормально. Лига иногда рассказывала о проблемах в семье Инты, и Антон не мог этого не помнить. Почему же именно сегодня, когда ей так нужно с ним поделиться, он решил сделать вид, что ни сном ни духом?

– Межотне... Межотне... Они же в Риге жили?

Лига промолчала. Про переезд в Межотне она тоже говорила, и не так давно.

– А... вот она где!

Антон вынырнул из-под стола с папкой в руке.

– Застряла. Я думал уже, что забыл на кафедре. Представляешь, если бы не нашлась? Пришлось бы заново все соби-

рать.

Он мельком посмотрел на Лигу:

– Ну и что тебе там делать?

Лига открыла рот, но Антон вдруг вытаращил глаза:

– Межотне... Это же... Точно! Там была вотчина Бирона! Помнишь? Фаворита старушки Анны Иоанновны, императрицы Российской! Межотне... Мезоттен... Ну, конечно! Рундальское поместье Бирона!

Антон взъерошил волосы и стал похож на воробья.

– Черт! Я еще студентом истфака хотел побывать в тех местах! Но как раз начались всякие терки политические с Латвией, все и заглохло. Эрнст Иоганн Бирон – это же знаковая фигура! Потом поместье было кому-то подарено... Не помню точно... При Павле Первом, кажется... Да фиг с ним, с Павлом! Бироновщина – дивное времечко!

Лига вздохнула и поплелась на кухню.

– Ты так и не сказала, зачем и насколько туда едешь.

Антон пошел за ней и встал в дверях с почти обиженным видом. Как будто она собралась на экскурсию, а его с собой не пригласила. Лига нажала кнопку на чайнике. Тот сразу усердно загудел. Интересно, кофе еще остался? Хотя бы растворимый. Она потрясла банку. Пусто. Ну почему Антон никогда не заходит в магазин по пути! Ведь знает, что она три дня безвылазно просидела дома, проверяя студенческие курсы.

– Кстати, кофе вчера закончился. Я хотел купить и забыл.

Все думал, зачем меня Крохин вызывает! Да еще не сразу, а в конце недели! У самого дома спохватился, но возвращаться уже далеко было. Ты не сердись?

Лига пожала плечами. Разве она умеет сердиться? Антон подошел и чмокнул ее в шею.

– И вообще, надо поменьше пить кофе. Лучше завари чаю. Давно я чаю с медом не пил.

– Чай тоже закончился. Позавчера. И мед.

Тут она обнаружила пакетик с кофе – три в одном. Гадость страшная, но уже не важно. Кофе хотелось просто невыносимо!

Чайник выключился. Лига высыпала порошок в кружку и налила кипятку.

– Ммм...

Антон потянул носом и заглянул через плечо. Сейчас попросит поделиться и отошьет себе три четверти. Обычно Лига не сопротивлялась, но не сегодня. Сегодня ей так тошно, что просто необходима хотя бы толика радости. Пусть и в виде пакетика кофе «три в одном».

Внутренне удивившись самой себе, Лига довольно ловко пронесла кружку мимо мужа и пошла в комнату, прихватив по пути горсть сушек. С самого утра она не могла окончательно решить, стоит ли ей ехать в Латвию, хотя была уверена, что она нужна Инте, как никогда. Конечно, уехать перед самой сессией – это свинство по отношению к коллегам. Потом полгода будут губы дуть. К тому же у Антона сейчас

большая нагрузка. Ну как его одного оставить? Помрет от недоедания и обезвоживания. Он сам даже яичницу не пожарит.

Лига задумчиво отпила из кружки. Не такой уж плохой кофе, кстати!

– Я не понял, малыш, ты что, все решила без меня?

Антон встал в проеме двери и засунул руки в карманы штанов. Так он делал всегда, когда хотел продемонстрировать крайнюю степень возмущения попытками ограничить его свободу или манипулировать чувствами. В сочетании с растянутыми домашними трениками возмущение выглядело комично. Лига посмотрела на сразу ставшее обиженным лицо мужа. Она как раз ничего не решила и весь день мучилась, к тому же...

– Да. Я поеду.

Сказала она и удивилась, насколько уверенно это прозвучало.

Антон помолчал, покачиваясь с носков на пятки. Кулаки в карманах треников сжались.

– Так. Отлично. Раз тебе на все наплевать...

Ей не было на все наплевать, конечно же. Оставить Анто-на одного, да еще неизвестно насколько, и жалко, и стыдно как-то. Жена обязана думать о муже и его благополучии, в этом она была уверена. К тому же ехать вообще не хочется – стоит признаться хотя бы самой себе. Ну что ее там ждет? Проблемы сестры она чужими не считала и была готова под-

ставить плечо в любой момент. Но... То, что происходит сейчас в жизни Инты, слишком серьезно. Если помогать по-настоящему, то надо пожить с ней не две недели в качестве гостыи, а... Сколько? Сможет ли она позволить себе уехать надолго? Глупый вопрос, вообще-то: конечно, нет. Стоит ли тогда начинать? К тому же чем она может помочь женщине, которую бросил муж? Подставить жилетку для слез – это всегда пожалуйста. В этом Лига специалист. А что еще? На психоаналитика она не тянет, собственного опыта тоже с гулькин нос.

Сестра всегда считала ее мямлей. Друг Мишка называл инфузорией-туфелькой, а в минуту крайней злости – амебой аморфной. Честно говоря, Лига и сама думала о себе примерно так же. Вряд ли совет амебы может помочь в такой ситуации. Развод – дело тонкое и энергозатратное. Здесь нужны недюжинная выдержка и стальные нервы. Хотя с чего она взяла, что Инта собралась разводиться? Такие, как ее сестра, сразу не сдаются. Наверняка сделает все, чтобы вернуть засранца Эдгарса в семью. Тогда тем более Лиге нечем помочь. Сама она в такой ситуации не была и наверняка не будет. Не с Антошей. Он не такой. Но бросить Инту в сложный момент нельзя. Сколько ни злись, ни сопротивляйся, а ехать придется. Надо. Больше никому. Остались бы живы родители, можно было бы рассчитывать на них. Особенно на папу. Вот кто всегда находил нужное слово, верное решение, правильный жест. А что Лига? Мямля, она и в Африке – мямля.

Пореветь вместе, покукситься, выпить по рюмочке горькой — и все.

Звонок сотового прервал унылые мысли.

— Белка, ты свинья! — торжественно заявили из трубки. — Куда ты, курица общипанная, ехать собралась?

Лига вздохнула. Сейчас начнется ураган страстей. Мишка Абрамсон по-другому не может. Вот дал же бог темперамент!

— Нет, ты скажи, овца бестолковая, как ты вообще додумалась свалить перед самой страдой? Кого я буду в комиссии пихать? Кого, скажи, коала носатая?

Мишка обожал зоологические обзывалки и страшно гордился их неисчерпаемым многообразием.

— Миш...

— Молчи! Не смей со мной говорить! Сдавай чертов билет и возвращайся на свой шесток, сверчок ты безголовый! Или ты мне, канарейка тощая, больше не друг!

— А враг?

— Хуже! Не друг и не враг! А так!

— А так?! Нет, Миш, этого я не вынесу!

В трубке довольно хрюкнули.

— Ну то-то же! Так что, в приказ тебя вставлять?

Лига с тоской поглядела в окно. Белые ночи в Питере только начинались. Впереди все самое лучшее. И пусть погулять по городу из-за сессии ей не удастся никогда, зато не страшно идти домой одной, даже если ушла из университета

в десять вечера. Как не хочется уезжать...

– Нет, Миш, не вставляй. У меня в семье проблемы. Придется ехать в Латвию.

– Умер кто-то, что ли? – осведомился Мишка.

– Нет. Сестра... Короче, ее бросил муж. Она осталась с двумя детьми. Без работы и без денег.

– По судам затаскать мерзавца! Ободрать, как сидорову козу! Тьфу! Как липку! Сгноить в тюрьме! Добиться высшей меры! Расстрелять за первым углом без права переписки!

Лига прыснула. Вот кого надо посылать сестре на выручку! Мишка! Друг верный!

– Мишунь, ну прости ты меня, а? Я отработаю, честное пионерское! Вернусь и отработаю!

– А когда вернешься-то?

Хотелось бы знать!

– Постараюсь побыстрей! Буду изо всех сил стараться! – вдохновенно воскликнула Лига.

Мишка Абрамсон длинно вздохнул:

– Да уж... Свежо предание, а верится с трудом...

– Миш, я правда постараюсь. Ты только не сердись на меня. Мне и так тошно.

– Переживаешь, что твоя Тонечка без тебя похудеет?

Тонечкой ее мужа, Антона Белкина, называли еще со студенческих времен. Лига всегда расстраивалась, когда слышала это прозвище. Было в нем что-то уничижительное, а это несправедливо. Особенно теперь, когда Антон стал со-

лидным человеком, преподавателем, защитил диссертацию.

– Миш, ну хватит. Антон все понимает и не возражает. Хотелось бы верить.

– Ладно, Белка. Поезжай к сестренке. Прижми бедолагу к груди. А еще лучше сразу возьми козла за рога и верни в стойло! Хотя что я говорю! Где тебе! Ты же у нас нежная! Ажурная!

– Скажи еще – гламурная.

– До этого дело не дошло. Ты – девушка тонкая и хрупкая. А гламурные – они цепкие, наглые и циничные! В наше время чтобы гламурной быть, нужны нервы как канаты, пробивная сила и куча бабла!

Мишка говорил весело, но Лига почувствовала в его голосе неподдельную злость.

С Абрамсоном они дружили с тринадцати лет. Занимались английским у одного репетитора. Толстый еврейский мальчик и тощая латышская девочка. Мишка уже тогда стрекотал на английском довольно бойко, но грамматика ему не давалась ни в какую. Лига, наоборот, никак не могла преодолеть барьер и начать общаться, хотя во всем остальном преуспевала. Писала, читала, но не говорила. Мишка сразу понял, в чем ее проблема, и как-то очень быстро сумел сделать то, что оказалось не по силам маститому репетитору.

Через пару-тройку месяцев они могли болтать по-английски: сначала всего несколько минут, а к концу школы – уже часами. К тому времени Мишкин вес как-то незаметно ушел

в рост, зато поперли юношеские прыщи. Девчонкам он решительно не нравился, но переживал об этом не сильно. У него была Лига, и если не знать, что она всего лишь друг, со стороны они выглядели парой. Поправиться Лиге так и не удалось, мосластые коленки и торчащие ключицы удручали, да и ростом она не вышла, зато была умненькой и начитанной. С ней Мишке было интересно и спокойно. Ей с ним, кстати, тоже. После школы друзья решили вместе поступать в один из лучших питерских университетов на отделение романо-германской филологии. Мишка поступил легко, а Лига еле пролезла по баллам. Пока ждали зачисления, он, уже зная, что его возьмут в любом случае, искусал себе все ногти – так волновался. Потом Лиге пришлось забинтовывать ему палец: Мишка сгрыз ноготь до крови. Лига даже заплакала от жалости и благодарности.

Они попали в одну группу и были страшно этому рады. Все-таки вдвоем веселей. И учиться, и работать. Получив дипломы, оба поступили в аспирантуру, одновременно защитились и остались преподавать на родном факультете.

Вопрос о том, чтобы начать встречаться, никогда, к счастью, не стоял. Мишке нравился совсем другой типаж: яркие, раскованные и как раз – гламурные. На двух таких он успел жениться еще в университете. Сразу после – еще на одной, как две капли воды похожей на предшественниц. С каждой прожил не больше года. Когда Лига спрашивала, почему он снова женится на той, с кем жить невозможно по

определению, Мишка отвечал, что не может отказать себе в сладком.

Сахару в самом деле было много. Даже не сахару, а патоки. Паточные глазки, паточные губки и ужимки тоже паточные. Один общий приятель как-то признался, что через полчаса общения с Мишкиной женой хочется пойти и посмотреть на нормальное человеческое лицо. Абрамсон хохотал, но, набравшись сил после очередного развода, вновь отправлялся по проторенной дорожке. Его прыщи давно канули в Лету, он научился стильно одеваться, благо у родителей водились денюжки, которых они не жалели для единственного отпрыска, и в целом выглядел вполне импозантно.

Однако три последних года у Абрамсона никого не было. Неожиданно он увлекся карьерой, зашустрил, заактивничал и довольно быстро стал заведующим кафедрой. В тридцать лет! От важности он, кажется, даже вырос на пару сантиметров и намного остепенился. Так, во всяком случае, казалось Лиге. Она было подумала сгоряча, что Мишка наконец пересмотрит приоритеты и сменит предпочтения. Однако до этого, похоже, далеко.

Сама она вышла замуж только в двадцать восемь. Антон Белкин, аспирант с соседнего факультета, не раз попадался ей в столовой, но внимания на нее не обращал. Несколько раз они даже обедали за одним столиком, однако общения не получилось. Белкин, тыкая вилкой в тарелку, все время смотрел в телефон, а Лига просто проглатывала свой салат,

выпивала чай и убегала на лекцию. У нее всегда была большая нагрузка, своя и чужая, если просили. А просили часто. Как-то очень быстро коллеги догадались, что патологическая доброта – основной диагноз молодой сотрудницы, и стали пользоваться этим без зазрения совести.

Честно говоря, после двадцати пяти Лига решила, что останется старой девой. Примеров в академической среде было более чем достаточно. Да и на горизонте не маячило ни одной мало-мальски подходящей кандидатуры. Однако тут внезапно снова обозначился Антон Белкин, хороший мальчик из хорошей семьи. Они наконец-то познакомились, точнее, их познакомили. На преподавательской вечеринке в честь начала учебного года Света Лисина подвела к ней парня, представила и сразу же ушла. Помявшись немного, Антон предложил сходить за шампанским. Лига шампанское не любила, но от смущения с готовностью кивнула. Она думала, что это только повод от нее отвязаться, но Антон принес и шампанское, и пирожные на бумажной тарелочке, и даже салфетки. Лига умилилась. Он, правда, так и не вспомнил их совместные обеды в университетской столовой, но это было уже не важно.

Почувствовав, что за ней ухаживают, Лига вдохновилась. Не то чтобы до Антона этого не случалось, но на сей раз все было иначе. Лига поняла, что за ней не просто ухаживают, а делают это с конкретной целью. За полгода они сумели пройти все необходимые стадии, а когда наконец переспали в за-

городном отельчике после ее дня рождения, все решилось очень быстро. Утром Антон, поцеловав ее в плечико, сделал предложение. Вечером в присутствии его родителей преподнес букетик и кольцо в малиновой бархатной коробочке, и дело было сделано. Еще через два месяца они поженились и зажили вдвоем в квартире на Лиговском проспекте, которая досталась Лиге после смерти родителей.

Свой брак Лига считала на редкость удачным, поэтому на Мишкины выкрутасы смотрела несколько свысока, снисходительно. Ну пусть мальчик погуляет! Рано или поздно остепенится, и у него тоже все будет замечательно!

Услышав в голосе друга раздражение и злость, Лига занервничала.

– Сейчас же признавайся, что случилось!

– Ты о чем? – старательно удивился Абрамсон.

– Не прикидывайся. Я тебя знаю как облупленного.

– Отстань, а? Сейчас не об этом.

– И об этом тоже. Как я могу уехать, если у тебя неприязности!

– А если скажу, ты что, останешься? – сразу сделал заход Мишка.

– Еще чего! Я тебя с собой заберу!

Он фыркнул:

– Багажом, что ли? Как говорится, чучелом или тушкой?

– Да как придется. Не увиливай, Миш. Ты же знаешь, я не отстану.

– Да уж знаю, хомяк ты липучий.

Мишка вздохнул и наконец нехотя признался, что последняя по счету паточная жена, с которой он не так давно развелся, объявила ему войну. У нее что-то не складывалось после расставания с Абрамсоном, и она решила, что, поскольку во всем виноват бывший муж, надо потребовать с него достойную компенсацию. Вовремя выяснилось, что имплантат в левой груди сдулся, губы в результате пластики стали кривиться набок, а в животе после липосакции стало подозрительно булькать. Дама наняла пройдошистого адвоката, и они вдвоем надели на бедного Мишку. Сумма компенсации, по их расчетам, выходила астрономическая, но это было еще не все. К счету прилагались вполне конкретные угрозы. Дело пахло не только мордобоем, но и членовредительством, вплоть до разрезания Мишки на части и запихивания их в мусорный бак.

Поначалу Мишка все воспринял несерьезно, справедливо полагая, что к женским манипуляциям по улучшению себя любимых никакого отношения не имеет, но очень скоро состоялся первый показательный раунд. Вечером практически возле дома его отмузулила пара отморожков. Не так чтобы сильно, но Мишка был впечатлен.

С той поры он пребывал в тяжких раздумьях по поводу того, как ему поступить. А счетчик между тем тикал. Через неделю срок, установленный бывшей, истекал, а затем нужно было готовиться к продолжению банкета.

– Ужас! – ахнула Лига, выслушав скорбную повесть о загнанном зайце по имени Мишка.

– Да ладно, не квакай! – попробовал храбриться тот. – Все обойдется. Все равно у меня таких денег не было, нет и, к счастью, не будет.

Лига потрясенно молчала. А вдруг угрозы бывшей совсем не блеф!

– Мишка! – вдруг крикнула она в трубку и оглянулась.

Оказывается, муж во время разговора маячил у нее за спиной. Ее кофе он благополучно допил и догрыз сушки. Ему очень хотелось сходить за новой порцией «хлебобулочных изделий», как он любил именовать хлеб, благо сушки еще не кончились, но он боялся потерять нить разговора, который жена вела со своим дружкой. Абрамсона Антон терпеть не мог.

– Антон, извини, пожалуйста.

Лига сделала умоляюще-виноватое лицо и торопливо пошла в сторону спальни. Закрыв за собой дверь, она быстро сказала:

– Я знаю, кто нам поможет. И не спорь!

Мишка, которому особенно понравилось местоимение «нам», спорить и не думал. Впервые столкнувшись с шантажом и вымогательством, он в самом деле испугался. Вообще-то он считал себя довольно ушлым малым, тертым калачом и все такое. Но до своей бывшей, очередной по счету, жены ему оказалось далеко.

– Чего ты там еще придумала, мышь полевая?

– У отца друг работает в Следственном комитете. Помо-
ему, на какой-то большой должности.

– Твой отец уже пять лет как умер. Этот друг о нем и ду-
мать забыл. Станет он твоими делами заниматься! Тем более
что они не твои, а мои.

– Этот станет. И ничего он не забыл! Они с отцом воевали
вместе.

– Уверена?

– Абсолютно. Значит, так. Я попробую с ним связаться и
договориться о встрече. Жди моего звонка и сиди... Ты где
сейчас?

– Дома, – грустно выдавил большой любитель ходить по
ресторанам и прочим увеселительным заведениям.

– Вот там и сиди. Все.

Лига нашла нужный номер и решительно набрала. Она бо-
ялась, что ей не ответят, но после второго звонка услышала
сердитый, как ей показалось, голос:

– Полковник Звягинцев. Слушаю.

– Дядя Толя, то есть Анатолий Иванович, это Лига! Я доч-
ка...

– Привет, дочка! А я как раз сегодня думал: куда это ты
подевалась! Не звонишь, не заходишь!

Голос сразу стал мягким. Лига перевела дух и заторопи-
лась:

– Анатолий Иванович! Я...

– Для тебя я по-прежнему дядя Толя!

– Хорошо! То есть да, конечно! Я звоню по делу, вообще-то! Мне помощь нужна!

– Что случилось? Неужели серьезные проблемы?

Голос в телефоне стал напряженным.

– Даже очень! Только не у меня, а у моего друга! Его шантажируют и деньги вымогают! Уже побили и грозятся в мусорный бак выкинуть!

– Понятно, – сказал голос и неожиданно спросил: – Хороший друг-то?

– Очень хороший! Лучший!

– Тогда вот что. Хватай своего друга и привози ко мне. Часика через полтора. Адрес помнишь?

– Рабочий или домашний?

– Рабочий, конечно. Время детское. Нас дома еще и не ждут.

Лига покосилась на часы, стоявшие на тумбочке у кровати. Девять вечера почти. Ничего себе, детское!

– Поняла, дядя Толя. Спасибо огромное!

– Пока не за что. Жду.

Лига засунула телефон в карман джинсов и полезла в шкаф за свитером. Майские ночи в Питере холодные.

– Ты куда?

Антон открыл дверь спальни и встал в проеме. Лига набрала воздуху и выпалила:

– Антоша, прости, любимый, но мне нужно съездить по

делам. Я ненадолго.

– Какие могут быть дела ночью?

– Я тебе потом расскажу, ладно?

Она посмотрела умоляюще, но он не дал себя разжалобить: повернулся и молча ушел на кухню. С виноватым видом Лига потрусилась следом. Когда он вот так, без объяснений, поворачивался и уходил, она сразу пугалась. Теперь целую неделю будет дуться, не отвечать на ее вопросы и игнорировать все попытки примирения. Она будет подлизываться, ластиться, просить прощения. Он будет холоден, неумолим и строг. Лучше бы разозлился и накричал, пригрозил никуда не пустить. Так нет! Будет молчать, как рыба об лед!

– Любимый, поверь, это очень важно! Ну, пожалуйста!

Лига обняла мужа и прижалась к его обиженной спине. Он отбросил ее руки, подошел к холодильнику и, открыв дверцу, стал изучать содержимое. Смотреть было совершенно не на что. Со вчерашнего дня в холодильнике – только пакет молока и пара банок: с маринованными огурцами и непонятной смесью «Закуска по-итальянски», которую он сам зачем-то купил в супермаркете полгода назад, да так и не решился открыть. То, что в холодильнике нечем поживиться, разозлило его еще больше. Антон наконец повернулся и уставился на жену. Она подумала, что муж дает ей возможность объясниться, и затаила с новой силой:

– Антоша, дорогой, пойми, это очень важно и очень срочно. Я должна...

Он не дал ей закончить. Выпучив глаза и высоко подняв брови, как делал всегда, когда его гнев достигал апогея, Антон заорал:

– Должна?! Кому ты должна?! Дружку своему?! Абрам-сончику?! Дела?! Знаю я, какие у вас дела!

Лига оскорбилась:

– Антон, ты что, с ума сошел? Зачем ты так?

– А как?! – наддал он. – С какой стати ты срываешься ночью и куда-то мчишься?! Ради него?! Ради меня ты так не срываешься! Ради меня ты и пальцем не пошевелинешь! В холодильнике мышь повесилась, а ты на свидание мчишься?

Это было просто кошмарно, ужасающе несправедливо, и у Лиги немедленно брызнули слезы. Она не собиралась реветь, но слезы всегда действовали по своему усмотрению. Вот и сейчас они сперва разлетелись почему-то в разные стороны, а потом потекли струйками по щекам. Нос мгновенно разбух, к слезам прибавились сопли. Ужас просто!

– И не пытайся меня разжалобить! Я тебе не лох деревенский!

При чем тут лох, особенно деревенский, Лига не поняла и снова потянулась к мужу.

– Антоша...

Он отбежал от нее за стол.

– Не лезь ко мне! Ты меня оскорбила!

– Да чем? Чем?

На этот вопрос он ответа не приготовил, поэтому крикнул:

– Всем! – И выбежал из кухни.

Лига кинулась в шкафчик за салфетками, высморкалась, вытерла слезы и поплелась было вслед за мужем, но на полпути остановилась и присела на спинку дивана. Ну что за день такой невезучий! Проблемы сестры, проблемы Мишки, проблемы с мужем! И все сразу! И все ей на голову! И все неразрешимые и безнадежные!

В плену трагических раздумий она еще немного посидела, прислушиваясь к звукам в спальне, где затаился обиженный и оскорбленный муж, но все же заставила себя встать и направиться к входной двери. Мишка ждет. Ему нужна ее помощь. Себе она помочь уже не сможет. Но другу помочь должна.

Шаги в сторону

С дороги она позвонила Абрамсону и велела забрать ее у метро. Мишка жил недалеко, у площади Восстания, поэтому приехал довольно быстро. Опустив стекло, он высунул из машины кудлатую голову и помахал рукой:

– Я тут! Прыгай!

Она села рядом. Мишка потянулся и чмокнул в щеку. Веселые семитские глаза блестели. Что-то не похож он на страдальца. Хотя вон синяк на щеке и царапина за ухом.

– Ты чего, как лягушка препарированная? – спросил Мишка, взглядевшись в ее лицо.

Она отвернулась, и он сразу догадался:

– С Тонечкой своей поругалась?

Лига обозлилась:

– Прекрати его так называть!

– Да его все так называют!

– Ну и что! А ты не называй!

– Ну хорошо, – примирительно сказал Мишка, разворачиваясь на кольце, – скажи тогда, куда мы едем и что нам дадут.

– Мы едем за помощью к папиному другу, и, надеюсь, нам ничего не дадут. Ни срок, ни просто по башке, – пытаюсь успокоиться, ответила Лига.

– Уверена, что смогут помочь?

– Мне – нет, тебе – да.

– Так, значит, поссорилась все-таки. Из-за меня?

– Нет.

– Вот только не надо мне врать! Я тебя, гусыня перепончатая, знаю наизусть, как клятву пионера!

Лига перестала шмыгать носом и посмотрела на него удивленно:

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему перепончатая?

Мишка фыркнул и наморщил рыхлый еврейский нос.

– Ты что, не в курсе? У гусей на лапах перепонки. Ну, чтобы в воде плавать.

– И как это связано со мной? – продолжала допытываться она.

– Да никак, черт! Чего ты привязалась? Лучше скажи, где тут припарковаться можно?

Лига посмотрела в окно. Быстро они приехали.

– Встану, где придется, – не дождавшись ее ответа, решил Абрамсон и зарулил на стоянку с табличкой «Только для служебных машин».

Они вылезли каждый со своей стороны и задрали головы, оглядывая здание.

– Вот что у нас умеют, так это народ дурить. Посмотришь на этот милый особнячок и представишь себе литературный салон или музей какого-нибудь дворянского быта. Зайдешь,

не подумав, а тебя цап-царап! Не успел по сторонам оглядеться, а тебе уже дело сшили.

Лига молча кивнула и пошла к двери. Мишка посмотрел на унылую спину и покачал головой. Бедная Белка! Все-то на тебе ездят, как на гужевой лошади! Или правильно – на тягловой? Латышская упряжная, вот она кто. Существует в единственном экземпляре. Тонечка, хомяк мелкотравчатый, совсем ее заездил, а теперь еще и он сам, лось сохатый, сел подруге на шею со своими проблемами и попылил! Мишка потряс головой и, забежав вперед, открыл перед Лигой тяжелую дверь.

Они дошли до проходной и оттуда позвонили Звягинцеву. Пока им выписывали пропуска, Лига все катала свои невеселые мысли. Как она сможет уехать теперь, когда отношения с Антоном ужасно испорчены? Она же с ума сойдет в этой Межотне!

– Проходите, – сказал дежурный, нажимая кнопку.

Они поднялись на третий этаж и по гулкому коридору добрались до кабинета полковника Звягинцева.

Анатолий Иванович сидел за столом и разговаривал сразу по двум телефонам.

– Да, да, конечно, все понятно, хорошо, нет, так не пойдет, ничего не понял, как так, не удалось? – говорил он, поворачивая губы то в одну, то в другую сторону.

Увидев оробевших молодых людей, он кивнул им, показав глазами на стулья у стола, и, продолжая вертеть губами,

проговорил еще минут пять. Потом положил обе трубки и сразу взял третью:

– Зайди ко мне, Костя.

Через секунду в кабинете появился молодой мужчина в форме и вытянулся перед Звягинцевым во фрунт.

– Не проверяющие, не бойся. Это как раз потерпевшие.

Мужчина сразу расслабился, вопросительно посмотрел на полковника и сел.

– Давай послушаем, что у них за проблемы, и постараемся помочь.

Слушали внимательно. Молодой, которого им так и не представили, что-то пару раз черкнул на маленьком листочке бумаги, который вынул из кармана. Выслушав до конца, он снова вопросительно взглянул на начальника и слегка пожал плечами.

Лига решила, что сейчас им откажут, и взяла Мишку за локоть.

– Ну что ж, – сказал Анатолий Иванович.

Молодой неторопливо убрал бумажку в карман.

– Все понятно, как дважды два. Дело это не совсем по нашему профилю и не нашего масштаба, но мы вам, Михаил, поможем.

Зазвонил телефон. Полковник Звягинцев поднял трубку и приложил ее к уху.

– Капитан Мальцев этим займется немедленно, потому как проблема не терпит отлагательств. Правильно я понял? –

спросил он, слушая, что говорят по телефону.

Они кивнули, как китайские болванчики.

– А мне что делать? – решился спросить Абрамсон, незаметно вытирая о штаны вспотевшие руки.

– А вам лучше отправиться домой и пару дней побыть там. Никуда не ходить, никому не звонить.

– А как я узнаю, что... ну...

– Мы вам сообщим, – неожиданно низким бархатным голосом сказал не произнесший до этого ни слова капитан Мальцев.

Мишка и Лига посмотрели на него, словно только что увидели. Звягинцев прищурился и взглядом отпустил капитана. Тот молча поднялся и вышел. Интересный народ работает в Следственном комитете! Как говорится, больше дела, меньше слов!

– Лига, дочка, прости, что сейчас нет времени с тобой как следует пообщаться.

– Я понимаю, дядя Толя.

– Мы сделаем так. Будем на связи. Скоро мне в отпуск. Созвонимся и договоримся встретиться. Буду рад поговорить без спешки. Лады?

Лига кивнула и улыбнулась. Звягинцев ответил такой же мягкой улыбкой.

– Ну а если что, набирай меня немедленно. В любое время суток. Поняла?

– Поняла, дядя Толя. Спасибо вам за все.

– Спасибо скажешь, когда я тебя рыбой копченой угощу и сто грамм налью. Или ты не пьешь по малолетству?

– Да какому малолетству! Мне тридцать уже!

– Я и говорю – по малолетству! Ну ладно, ребята, идите. У меня Поверка на носу, надо перышки почистить.

Они вывалились из подъезда и быстро юркнули в Мишкину машину. Велено же: никуда не ходить.

– Ну, что скажешь? – спросила Лига, пытаясь пристегнуться.

– Крутяк! – восхищенно произнес Мишка, заводя машину. – Пришел, увидел, решил! Вот как работать надо! Не то что мы!

– Тебе Звягинцев понравился?

– Мне кажется, эта категория тут не годится. Понравился, не понравился – для девушек. Тут как-то по-другому.

Мишка почесал живописно спутанные кудри и повернул на Невский.

– Как по-другому?

Лига все дергала ремень.

– Слушай, хватит беситься! – не выдержал Мишка. – Пристегнись уже!

Она послушно защелкнула ремень и, насупившись, отвернулась.

– Ну вот, теперь еще обижаться будет, сурикат общипанный!

Разозлившись, Абрамсон крутанул руль так, что ее мота-

нуло в сторону. Она ухватила за ручку двери, но промолчала.

– Короче, твой полковник меня впечатлил, но сейчас не об этом! Меня раздражает, что ты бесишься из-за своего мужа!

– Я не бешусь!

– Бесишься!

– Нет!

– Коза непарнокопытная!

– Сам дурак!

– Все равно не умеешь обзывать, поэтому лучше все расскажи старшему товарищу! Он позволит тебе обрыдять свою новую жилетку!

Лига еще немного помолчала, а потом наконец сдалась.

– Антон на меня злится, и я не знаю, как смогу уехать. Боюсь, что испорчу отношения с ним. А не поеду – совесть замучает. Я нужна Инте.

Они перескочили через Обводный канал и помчались в сторону Пулкова, а Лига даже не заметила.

– Мы с сестрой вдвоем остались, сам знаешь. Помочь ей некому. Но как оставить Антона? Все-таки он для меня самое главное в жизни...

– Да, выбор эпохальный, ничего не скажешь!

Мишка саркастически хмыкнул:

– Но ты же не навсегда уезжаешь, а на несколько недель. Отпуск на месяц взяла? Ну вот! За месяц твой муженек соскучится, оголодает, завалится грязным бельем и, поверь,

встретит тебя с распростертыми объятиями.

– Я в Межотне вся издергаюсь.

– Да ладно! А где, кстати, эта Межотня находится? Далеко от Риги?

– Семьдесят километров, по-моему.

– А народу там сколько?

– Человек триста или чуть больше.

– Безлюдье, короче. Ну а что там вообще есть?

– Дворец восемнадцатого века, а в нем отель.

– Да ты чё? Отель? А кому надо в нем селиться?

– Там места красивые. Исторические. Антон говорил, связаны с Бироном. Или с Павлом Первым. Не помню.

– А как насчет любви к русским?

– О! Все местные, как один, русофобы! Это Инта уже заметила, хотя живет всего месяц.

Мишка с деланым испугом растопырил глаза:

– А тебя, случайно, не съедят? Ты же к ним из России припрешься.

– А я никому не скажу. Буду сидеть тихо, как мышка.

– Не сомневаюсь. Да уж... Безлюдье, безделье и скука смертная.

– Примерно так. Правда, есть двое племянников. Бандиты еще те! Буду с ними возиться, пока Инта ищет работу, ну и... утешать ее.

– Я, конечно, с ней не часто встречался, но ты всегда говорила, что она у тебя вся такая деловая и боевая!

– Так и есть. Всегда была сильной и самостоятельной, в отличие от меня. Но предательство мужа... Даже не знаю... Может, все произошло слишком неожиданно и ей просто нужно прийти в себя. Устроится на работу, и жизнь наладится.

– А что она в этом захолустье делает?

– Там у нас полдома от тетки осталось. От мужа она съехала, так что это был единственный вариант. Я вообще ее к себе звала, у нас квартира большая, но она сказала, что, пока там не закончит, никуда не поедет.

– Развод?

– Пока не знаю. Главное, ее поддержать и успокоить.

– Белка-утешительница, одним словом. Перспектива... Главное, постарайся поскорее вернуться.

– Сама хочу, но... Как получится, одним словом. А куда мы, кстати, едем?

– Да решил покатать тебя, а то ты какая-то смурная и колючая.

– Как ежик задрипанный? – поинтересовалась она.

– Хуже. Как дикобраз длиннохвостый!

– Они что, самые злобные?

– Самые глупые. Все их обижают и используют. Особенно мужья.

– Миш, ну хватит уже меня третировать. Я и так сама не своя.

– Да ладно, прости. И, кстати, спасибо за помощь. Как это

у тебя получается? Когда дело касается других, ты горы свернешь, а если речь о тебе, просто инфузория-туфелька!

– Не люблю обижать людей. Ссориться и качать права – тоже.

– Да это всем известно! Поэтому на тебе ездят все кому не лень, включая меня, грешного. И за это прошу меня простить.

– Мишка, я для тебя... ты знаешь.

– Знаю, конечно, потому и не могу удержаться, чтобы не попользоваться твоей евангельской добротой! Обещай, что вернешься на факультет при первой возможности, трясогузка моя перелетная!

– В этом можешь не сомневаться.

– Только не говори, что все дело в Тонечке!

– И в тебе тоже, мой настойчивый друг.

– Тогда, может, заедем в паб на Садовой?

– Мишка, ты дурак? Тебе же Звягинцев велел из дома носа не показывать!

– Ой, точно! Забыл!

Мишка мотнул кудрями.

– Тогда куда?

Лига длинно вздохнула:

– Домой, Мишка, домой. Мне же собираться надо. После-завтра вылетаю в Ригу.

– Проводить?

– Мишка!

– Ой, опять косякнул! – пискнул Абрамсон. – Ну ладно. Все равно муж твой попрется провожать!

Вот в этом Лига как раз не была уверена. Она вообще не надеялась, что Антон ждет ее возвращения.

Обычно после ссор он уезжал к родителям в Купчино и отсиживался там до тех пор, пока изнемогшая от чувства вины и раскаявшаяся жена не приходила к нему на работу, чтобы уговорить вернуться. Через час или два он давал себя уломать и возвращался в лоно семьи победителем. Сценарий ни разу не менялся.

Мысль о том, что муж оставил ее одну перед отъездом, просто прибавала ее к земле. А если она не успеет с ним объясниться? Вернется ли он тогда вообще? Антон такой чувствительный и гордый! Он ни за что не придет мириться сам! Что ей тогда делать? Как жить?

– Белка, ты – тюлень бесхребетный! Вот честное слово! Да твой Антон – просто заласканный и обнаглевший абыюзер!

Неужели она говорила вслух? Вообще с ума сошла?

– Мишка, ну прошу тебя, не надо. Не хватало еще с тобой поругаться. Я просто люблю мужа и хочу жить с ним. Это тебе понятно?

Она вдруг заплакала по-детски горько и громко. Мишка срочно свернул к тротуару, затормозил и остановился. Веселые кудри жалостливо повисли над сразу ставшими очень виноватыми карими глазами.

– Ну прости меня, барана безрогого, слышишь? Ну, Бел-

ка! Ну чего ты реवेशь белугой болотной! Я не хотел! Я просто тупой овцебык! А ты – белочка пушистая! Ласточка весенняя! Козочка горная! Ну... как еще? Лисичка-сестричка, зайка-поскакайка, мышка-норушка, лягушка-квакушка!

Лига всхлипнула и хмыкнула сквозь слезы. На Мишку сердиться невозможно.

– Ну, вот видишь! Реветь не надо!

Вынув из упаковки влажную салфетку, он вытер Лиге щеки и нос.

– Высморкайся.

Она послушно высморкалась. Мишка тронулся с места.

– Хочешь, я буду звонить тебе каждый день? Если все будет плохо, сам прилечу и эвакуирую тебя из этого латышского Крыжопля.

– Звони, – согласилась Лига, и ей почему-то стало легче.

Мишка довез ее до дома и, в сотый раз выслушав наказ никуда не ходить и никому не звонить, отбыл к себе.

Лига поднялась на четвертый этаж и открыла дверь квартиры. Прислушалась – тихо. Страшась, что сбылись ее худшие предположения, она сбросила туфли и побежала по квартире. Так и есть – никого. Трясущимися руками она достала сотовый и набрала номер мужа. Телефон был отключен. Она позвонила еще раз пять, прежде чем поверила в то, что Антон обиделся окончательно и бесповоротно.

Ну и что теперь будет? Она села и тихонечко завывала.

Утро застало ее спящей на кресле в неудобной позе. Ноги

затекли, скрюченное тело ныло, рука, на которой лежала голова, вообще онемела и перестала слушаться. Лига кое-как выпрямилась и сразу вспомнила все! Антон ее бросил! Обиделся и ушел! Мобильник она по-прежнему сжимала в руке. Вдруг муж на связи! Телефон отозвался женским голосом, сообщившим, что абонент временно недоступен. Временно. В этом слове теплилась надежда. Весь день, собирая чемодан и заодно наводя порядок в квартире, она звонила мужу. Безрезультатно.

Вечером, не выдержав телефонного молчания, уже было собралась ехать в Купчино.

И не поехала.

Поставила доверху набитый вещами чемодан у двери, пошла в спальню и легла спать. Завтра утром ей надо уезжать. Надо.

Маршрут построен

В аэропорту Риги она бывала не раз, поэтому довольно быстро прошла паспортный контроль, получила багаж и, найдя нужную стоянку, выехала в город. Автовокзал тоже ее не огорчил. Автобус до Межотне выехал по расписанию. Лига села в кресло и почувствовала, что волнуется перед встречей с Интой.

Сестру она не видела почти два года. За это время много чего произошло. Как они встретятся теперь? Будут ли по-прежнему близки, как положено двойняшкам?

Инта родилась на десять минут раньше и, как водится, считала себя старшей сестрой. Да Лига и не возражала. Она не любила верховодить, а Инта – наоборот. Мать дала им прекрасные имена: Инта – «фиалка», Лига – «нежная». По замыслу родителей в сумме должна была получиться «нежная фиалка». В результате Фиалка вышла бойкой, грубоватой и нахрапистой, а Нежная – слишком мягкой и абсолютной, как считали все, кроме отца, бесхарактерной.

Лиге никогда не нравилось ее имя. Как вы лодку назовете, так она и поплывет. Когда семья из-за работы отца перебралась в Петербург, в школе долго переспрашивали:

– Лига? Так и писать?

Даже продвинутая директор и та поучительным тоном заметила, что, выбирая ребенку имя, мы выбираем ему судь-

бу. Вот почему бы не назвать девочку Верой, Надеждой или Любовью? Папа покивал и не стал объяснять, что на латышском это будет – Тициба, Цериба и Милестиба. Неплохо для девочки?

Одноклассники тоже долго не могли привыкнуть к ее имени. Иногда стебались. Лига? Футбольная или хоккейная? На высшую не тянешь! Наверное, поселковая! Поселковая Лига! Или нет! Подъездная! Лига тощих подъездных кошек! И так далее.

Лига расстраивалась, конечно, но старалась прятать свою обиду, иначе задразнили бы окончательно. Так было всегда. Ее дразнили – она отмалчивалась, ее обижали – она терпела.

Старшая сестра, конечно, обижала чаще и изобретательнее других. У нее для мямли всегда было приготовлено немало приколов и подколов: одновременно или попеременно в зависимости от настроения.

Когда после окончания школы Инта неожиданно вернулась в Латвию и поступила в колледж, Лига сначала даже вздохнула с облегчением: одним обидчиком меньше. Но очень быстро заскучала. Стокгольмского синдрома у нее, конечно, не было, но связь, которая обычно бывает между близнецами, заставляла чувствовать себя как бы неполной, не целой. Инта, похоже, испытывала то же самое. Они часто звонили друг другу, разговаривая порой часами, и постепенно их отношения, по крайней мере на расстоянии, стали действительно сестринскими. Возможно, они просто повзросле-

ли.

И тут Инта влюбилась в горячего латышского мачо по имени Эдгарс Эглитис, и ее жизнь понеслась совсем в другую сторону. Колледж она немедленно бросила, потому что хотела все время быть с обожаемым возлюбленным, тут же забеременела и, продолжая водить хороводы вокруг своего красавчика, родила. Появление сына не слишком изменило стиль отношений в паре. Инта по-прежнему крутилась то возле, то вокруг Эглитиса, а тот стремился из малюсеньких бизнесменчиков выбиться хотя бы в небольшие, поэтому все время отдавал работе и не торопился узаконить отношения с матерью своего ребенка.

Так продолжалось еще пару лет, пока на горизонте прекрасного принца не замаячила новая принцесса. Та в глаза ему не заглядывала и на цирлах перед ним не ходила. Тоже бизнес-леди, к тому же гораздо круче Эглитиса. Как только Инта заподозрила, что нежный возлюбленный ходит на сторону, она немедленно забеременела второй раз, подключила его родителей, и совместными усилиями они все же затащили свободолюбивого мачо в загс.

Три года все было тихо. По крайней мере, Инте так казалось. Она успокоилась и закружила вокруг теперь уже законного мужа пуще прежнего.

– Двое детей – не шутка! Куда он денется! – довольно смеясь, говорила она.

Лига не была в этом уверена. Она пыталась сказать об

этом сестре, но всегда уверенная в своих решениях Инта быстренько заткнула ей рот:

– Вот родишь своих, тогда и поговорим!

На тот момент Лига даже не была замужем, так что, признавая железобетонную правоту сестры, послушно заткнулась, хотя подозревала, что даже двое детей не заставят ловеласа сложить оружие и отказаться от своих привычек.

И точно. Через пару месяцев после их разговора выяснилось, что подлец Эглитис уже год живет с какой-то нимфеткой и даже купил ей колечко с бриллиантом. Как говорится, в лучших традициях!

Инта была в шоке, ужасе, ярости! Сгоряча она запустила в мужа хрустальной пепельницей, подхватила детей и уехала «в деревню к тетке, в глушь, в Саратов», как восклицал бессмертный Фамусов. Так она оказалась в маленькой деревушке под названием Межотне.

Лига считала, что сестре не следовало уезжать. Этим она только развязала «гадскому папе» руки и дала возможность почувствовать вкус настоящей свободы. Однако высказывать свое предположение не стала. Все равно Инта слушать не будет.

Как все верные жены, сестра была уверена, что изменщик прибежит просить прощения, как только останется без детей, обедов, чистых рубашек, постоянной заботы и, конечно, без нее, самой преданной супруги.

За тот месяц, что Инта прожила в Межотне, Эглитис не

позвонил ни разу, и этот факт ее страшно напугал. Она вдруг осознала, что любовь и забота ничего не стоят, если мужчина разлюбил. И как она могла быть такой наивной дурой! Служила мужу, как верный пес, решала все проблемы, защищала его права, кормила с ложечки, обхаживала, уверенная, что этим привязала к себе навсегда. А тут такой облом! Система ее жизненных ценностей дала сбой.

Между тем ни денег, ни способа их заработать в маленьком поселке не было.

Тут Инта вспомнила о своей послушно молчащей сестре и потребовала от нее сочувствия и помощи. Она не сомневалась, что Лига приедет и возьмет на себя часть проблем. Собственные проблемы и обязательства младшей сестры в расчет не брались. Инта нуждается и помощи, и Лига должна ее оказать.

Все вышло так, как она предполагала. Сестрица бросила все свои неважные дела и полетела решать проблемы Инты.

Автобус остановился возле странного сооружения вроде дощатого ларька, засунутого под навес, на бетонной крыше которого красовалось название поселка, полускрытое нависшими ветками деревьев.

Лигу никто не встречал. Она посмотрела по сторонам, увидела почтовое отделение, магазин и кусочек парка. С тоской оглянулась на чемодан, который водитель непочтительно выбросил на асфальт. Лига лишь примерно представляла, в какой стороне дом тетки: бывала в нем очень давно,

когда та была еще жива. За остановкой начинался поселок, состоявший из смеси старинных домиков, полуразрушенных строений и еще ничего себе трехэтажных домиков, похоже, советских времен.

Лига постояла еще немного и набрала номер сестры.

– Ты что, уже приехала? – услышала она ее голос.

– А ты меня только завтра ждала, что ли?

Лига была зла, и, поняв это, Инта сразу пошла в наступление:

– Не могла с дороги позвонить? Мол, подъеду через полчаса! Вечно с тобой одни проблемы!

С ней проблемы? Ну это уже чересчур!

– Мне что, так и стоять тут до завтра?

– Черт! Двигайся по дороге, я выхожу навстречу!

– Премного благодарна, – со всей язвительностью, на какую была способна, проскрипела Лига, дернула чемодан за ручку и потащилась в направлении старых построек.

Правду говорят, ни одно доброе дело не остается безнаказанным! Спешила на помощь сестре, а та ведет себя так, словно это она, Инта, делает одолжение! И вообще, похоже, ее тут никто не ждет!

Растравляя себя злыми мыслями, она прошла еще метров сто, и тут сзади на нее налетел тайфун. Он смял, закружил, затормошил и затискал усталую путешественницу так, что она едва устояла на ногах.

– Ты моя сестричка, птичка-невеличка, девочка-припе-

вочка, маленькая белочка! – завопил тайфун, чмокая Лигу в щеки, нос и уши.

Не выпуская сестру из объятий, Инта посмотрела ей в лицо и, убедившись, что та больше не сердится, чмокнула еще раз, для верности.

– Давай чемодан! А что такой маленький?

Инта суетливо схватила вещи сестры и потащила ее за собой. Лига едва поспевала за ней.

– А я как раз в парикмахерскую решила сбегать. Причипуриться перед твоим приездом!

Веселые кудряшки прыгали вокруг круглого лица сестры. Глаза смеялись. Щеки розовели. Может, все не так плохо? Лига немного приободрилась.

– Выглядишь, кстати, отлично, – продолжала подлизываться Инта, – ишь, какая румяная!

Бледная и усталая Лига только кивнула. Ну пусть Инта немного поластится к ней. Не так часто она проявляет сестринскую нежность.

– Мальчишки дома. Ждут гостей.

– Одни?

– Да не с кем оставить. В детсад их сейчас не возьмут. Через месяц все равно на лето закроется.

– Не боишься одних оставлять? Они же крохотные.

– Боюсь, конечно! Но теперь у меня есть ты!

Лига снова кивнула.

– Я работу ищу. Но тут устроиться почти невозможно.

Попробую поискать по соседним поселкам. Мы, кстати, уже пришли.

Лига оглядела довольно крепкий одноэтажный домик на две квартиры.

Инта подтащила чемодан к правой из двух дверей и позвонила. Внутри что-то загрохотало, и сразу стало очень тихо.

– Мальчишки, хулиганы, открывайте! – закричала Инта.

Щелкнул замок, дверь тихонько отворилась, и в щелку пролезла маленькая голова, измазанная чем-то густым и черным. Увидев мать, она широко открыла рот и заревела басом:

– Мама, на меня Витас банку свалил!

Инта бросилась к сыну и, схватив его, провела рукой по волосам. На ладони осталась горсть черничного варенья.

– Боже, что вы натворили, бандиты? Паулс, солнышко, где болит? Куда упала банка?

– Прямо на меня... ыыы...

– На тебя только варенье шлепнулось, а банка на пол упала! – пропищал виновник происшествия в глубине коридора.

– Все равно... ыыы... Варенье тяжелое было...

Инта затащила рыдающего бедолагу в дом. Лига, забыв про чемодан, ворвалась следом и увидела второго племянника, тоже залитого вареньем, только у того сладкая масса была на животе. Черничные следы уходили на кухню и заканчивались огромной черной кучей.

– Ну сейчас кто-то получит! – пригрозила Инта, не отпуская младшего сына.

Старший тут же пустился наутек.

– Стой! Лига, лови его, а то он тут все перепачкает!

Лига бросилась наперерез убегающему проказнику и успела схватить его за руку.

– Куда ты? Надо быстрее в ванную бежать! Мыться!

Она сгребла ребенка и пошла вслед за сестрой.

Полностью отмыть разбойников им не удалось. Чернота уже успела впитаться в волосы и кожу. Со стороны смотрелось не только комично, но и устрашающе.

– Ну вот что теперь с вами делать, паразиты! Все в папашу! Тот тоже! Напакостил – и наутек!

– А где папа? – сразу же спросил трехлетний Паулс и посмотрел на мать огромными голубыми глазами.

– Папа объелся груш и теперь лежит в больнице! – объявила Инта, вытирая синие волосы сына.

– А мы к нему поедем?

Пятилетний Витас выбрался из полотенца, в которое его закутала Лига.

– Кто это говорит? Мальчик с синей головой и мальчик с синим пузом? Посмотрите на себя! Вас не то что в больницу – из дома нельзя выпускать! Весь народ в обморок попадает!

Дружный рев был ей ответом.

– Пашка и Витька! – по-русски назвала племянников Лига. – Хватит реветь! Лучше посмотрите, что я вам привезла!

Малыши разом замолчали и уставились на тетку.

– Тетя Лига, а ты откуда взялась? – поинтересовался старший.

– Прилетела на воздушном шаре!

– Чтобы нам подарки подарить?

– Конечно! Зачем же еще нужны тетки!

Она оглянулась в поисках чемодана и вспомнила, что бросила его у двери. Помчавшись к выходу, она распахнула входную дверь и чуть не сшибла старика, поднявшего было руку, чтобы постучать.

– Ой! Простите меня, – по привычке по-русски сказала Лига.

– Да ничего, ничего, – ответил старик.

Она схватила чемодан и тут только поняла, что ответили ей также на чистом русском языке.

– Дядя Петерис, заходите.

Инта выглянула из-за спины сестры и поздоровалась. Старик смотрел смущенно и не торопился входить.

– Да не бойтесь, это моя сестра Лига. Приехала из России и пока не адаптировалась. Лепечет по-русски, словно кто-то ее понимает!

– Да меня, кажется, прекрасно поняли, – улыбнулась Лига.

– Да, да, – перешел на латышский старик и заторопился: – Я не вовремя, вижу. Потом зайду. Хотел попросить немного чаю, заварки то есть.

– Сейчас принесу.

Инта убежала. Старик все мялся у порога. Лига втащила чемодан, и на него тут же налетели племянники. Пока разбирали подарки, Инта вынесла старику пачку чаю, и он ушел.

– Наш сосед дядя Петерис.

– Мне показалось, он русский.

– Думаешь?

– А ты не заметила, что он говорит по-русски без акцента?

– А ты когда успела заметить? И вообще, старайся говорить по-латышски. Тут русских не любят.

– А их тут много?

– Немного. Русские по городам живут. Здесь ведь ни работы, ни жилья порядочного нет.

– Говоришь, как коренная латышка. А ведь мы с тобой на четверть русские по нашим бабушкам. И по-русски ты говоришь не хуже меня.

– Об этом тут лучше никому не докладывать. Иначе работы вообще не найти. Ну чего ты стоишь? Раздевайся, мойся и приходи ко мне. Я тебе все расскажу. Ведь это просто кошмар!

Оказалось, на все про все Инта отвела сестре десять минут. Не успела та вымыть руки, как ее уже потащили на кухню, посадили за стол и стали подробно, с лирическими отступлениями типа «он подлец, а я святая», рассказывать всю трагическую историю с начала. Только ближе к ночи, чувствуя себя выжатым грейпфрутом, Лига добралась до своего нового пристанища.

На теткиной половине дома было три малюсеньких комнаты и довольно большая гостиная. В комнатухе, отведенной Лиге, помещались узкая кровать, комод, зеркало и два стула. Уставшая после дороги и бурной встречи с сестрой, она даже вещи не стала раскладывать. Бухнулась на кровать и стала думать об Антоне. Последний раз она звонила ему, когда выехали из Риги. Все тот же плачевный результат. Ни ответа, ни привета. Как вообще можно так долго обижаться? А если дело не в обиде? Вдруг с ним что-то случилось?

Лига села на постели с сильно бьющимся сердцем. Боже! А если Антон в больнице? Надо немедленно звонить его родителям! Она схватила телефон и тут же представила, что скажет ей свекровь Тамара Георгиевна. Она плохая жена, она бросила мужа, она стала причиной... Ужас! Тогда кому? Селезневу! Тот должен знать, где приятель. Она лихорадочно набрала номер.

– Сереж, привет, это Лига.

– Здорово, ты чего ночью звонишь? – удивленно и, как ей показалось, растерянно спросил Селезнев.

В трубке слышались какие-то голоса, музыка. В клубе зависает.

– Сереж, прости, не могу до Антона дозвониться. Ты не знаешь, где он?

Она чуть было не спросила, не случилось ли с ним чего-нибудь, но в последний момент испугалась.

– Не знаю. Сегодня не видел.

– А когда видел?

– Вчера вроде. Случайно на улице.

– А...

Как узнать, все ли с мужем в порядке?

Пока она соображала, как бы половчее задать вопрос, в трубке вдруг явственно послышался голос Антона:

– Серый, хватит трепаться! Мы тут...

И вдруг в телефоне стало тихо. Так тихо, что у нее зазвенело в ушах. Селезнев отключился, а она продолжала держать мобильник возле уха.

И что это было? Пока она тут мучается из-за их ссоры, муж спокойно развлекается с приятелями? Хотя теперь, по крайней мере, ясно, что он жив, здоров и вполне весел. С другой стороны, что же ему теперь, не есть и не пить? Нет, пить, конечно, можно, но только помирившись с женой. К чему этот спектакль с отключенным телефоном? Наказать решил? Пусть жена мучается и страдает, а я пока развеюсь в ночном клубе? А если ее самолет разбился? А если автобус попал в аварию? А если она упала и сломала ногу? Неужели он о ней совсем не беспокоится?

Она попыталась вспомнить, когда в последний раз Антон волновался за нее, переживал, нервничал, вот как она сейчас. Некстати вспомнился случай, когда перед самым Новым годом она задержалась в архиве университета, хотя они должны были уезжать в Купчино. Антон тогда все телефоны оборвал, разыскивая жену, а потом наорал на нее из-за того,

что по ее вине они опоздали. Пример был совсем неподходящим, но ей почему-то стало очень жалко себя. Так сильно, что она разревелась и рыдала, пока не уснула.

Лига проснулась с мыслью, что у нее очень тяжело на душе. Не открывая глаз, подумала, что душевная тяжесть какая-то уж слишком конкретная, хотелось снять ее с груди. Она с трудом разлепила заплывший от слез глаз и увидела, что у нее на животе, подложив под синюю голову ладошку, спит младший племянник. А что не поспать? Тепло, мягко. Лига осторожно повернулась на бок. Малыш сполз и тут же свернулся калачиком. Ах ты, мой хомячок пузатенький! Лига вспомнила Мишку и улыбнулась. Как там, кстати, у него дела? Отстала от него бывшая или нет? Она закутала Павлика одеялом и, отойдя к окну, набрала номер друга.

– Здорово, жаворонок бесноватый, – тут же ответил тот, – чего будишь ни свет ни заря?

– Мишка, ты жив? У тебя все хорошо?

– Да. Все отлично. Давай позже перезвоню.

– Ты спишь еще или...

– Или, – отрезал верный друг. – Не приставай!

Он повесил трубку. И ты, Брут?

От осознания того, что ее бросили абсолютно все, она снова заплакала.

– Блин, я его обыскалась, а он к тетке под бочок пристроился и дрыхнет!

Инта вошла в комнату и склонилась над сыном.

– Не забирай, – попросила Лига, – пусть спит. Он такой плюшевый.

– Ага, плюшевый, пока спит. А проснется, сразу поймешь, что такое фунт лиха. Ладно, пусть досыпает. Пошли, я тебе расскажу про наши дела. Ты ревела, что ли? По мужу скучаешь?

– Да. Знаешь, мы с ним...

– Ни разу не расставались? Да фигня! Поскучает – крепче любить будет!

Неужели? Это она из своего опыта? Лиге вдруг захотелось сказать сестре что-нибудь обидное и резкое, но Инта уже тащила ее за собой:

– Пошли, у меня для тебя есть предложение.

На кухне она быстро поставила перед сестрой чашку, налила кофе и села напротив. Ее темные глаза горели азартом и вдохновением.

– Для тебя есть работа! – объявила она.

– Что?

Лига, не успев сделать ни глотка, отставила чашку.

– Смотри, расклад такой. Мне здесь работы не найти. Ни образования, ни связей, короче, дело тухлое.

– А у меня что, есть связи?

– К черту связи! У тебя есть кое-что получше! Ты сколько языков знаешь?

– Английский. Немецкий.

– Латышский и русский. Итого четыре! Ты полиглот!

Лига ничего не поняла.

– И что?

– В наш отель, который находится прямо в Межотненском дворце, нужен старший администратор со знанием языков. Предыдущая ушла в декрет, к тому же она знала только английский.

– Так. Идея мне понятна. Она блестящая, но она все равно бредовая. Я приехала на месяц. У меня российский паспорт. Какой дурак меня возьмет?

– Возьмут. Сезон начинается, а у них из персонала европейского уровня полтора землекопа. Даже на месяц. Ты их просто спасешь!

– Кто тебе сказал?

– Мартин Сирмайс. Это... он там работает, короче.

– Кем?

– Менеджером.

– И что это значит? Что он решает?

– Все! Он сам мне предложил с тобой поговорить.

– Бред какой-то! Я совершенно не собиралась! Давай лучше буду с мальчишками сидеть!

– Ну, во-первых, ничуть не лучше, и ты скоро в этом убедишься, а во-вторых, просто чудо, что человек понадобился им именно сейчас! Это же шанс спасти ситуацию! Или ты хочешь, чтобы мы с голоду подохли?

– Не мели чепухи!

– Лигушка, милая, подумай. Всего один месяц. С тебя не

убудет, а я за это время или работу найду, или мужа верну.

- Как? Ты же с детьми будешь сидеть!
- С ребятами днем будет сидеть Айя. Это внучка нашего соседа. Я уже договорилась.
- А чем платить будешь?
- Из твоей большой зарплаты!
- Отлично! Ты уже все решила без меня!
- Я просто не вижу других вариантов. Их вообще нет!

Инта обошла стол и обняла ее.

- Ну, пожалуйста, выручи меня. Ты же моя сестра!

Лига понимала, что ею в очередной раз манипулируют. Но что поделать!

Остановка по требованию

В три часа дня она стояла у входа в Межотненский дворец. Он был хорош. Исторический памятник, музей и отель в одном флаконе. Не так давно восстановили и отреставрировали.

Оглядев прекрасное здание, Лига сразу вспомнила восторг, который испытала, когда впервые увидела эту красоту. Она с теткой не раз гуляла в парке, однако внутри дворца не была никогда. Странно, но она почти ничего о нем не знала, кроме того что строили его в самом конце восемнадцатого века по эскизам знаменитого архитектора Кваренги. Наверное, десятилетнему ребенку было совсем неинтересно, что за дворец такой. Антон что-то говорил про Бирона. Его, что ли, дворец? Красив! В лучших классических традициях! Бело-желтый, с колоннами, портиками! Весь какой-то питерский!

Лига засмотрелась и не заметила, как к ней подошел какой-то человек и остановился напротив, ожидая, когда она обратит на него внимание. Она наконец обратила и от неожиданности покраснела. Что этому красавцу от нее надо? Хотя, наверное, это тот самый Мартин Сирмайс, знакомый сестры. Она заставила себя улыбнуться.

– Здравствуйте, Мартин. Я – Лига, сестра Инты, – быстро произнесла она по-латышски.

– Здравствуйте. Я – Андрис, брат Алекса.

Лига растерялась окончательно:

– А кто такой Алекс?

– А кто такая Инта?

Мужчина посмотрел в ее потерянное лицо и неожиданно рассмеялся, негромко и необидно.

– Простите меня, глупо было шутить. Я не Мартин. Андрис Вайс, начальник охраны.

Господи! Вот дура!

– Я могу вам помочь?

– Можете, наверное. – Лига с трудом заставила себя принять светский вид. – Мне нужно найти менеджера Мартина Сирмайса.

– Я вас провожу.

Он пошел вперед. У него была очень прямая спина. Вайс – его фамилия? Откуда она ее знает? Что-то знакомое с детства. Точно. Йоганн Вайс – советский разведчик из очень хорошего фильма о войне. Странно, но этот Вайс чем-то похож на того. Вернее, на актера Любшина, сыгравшего в фильме. Волосы, походка, глаза. Особенно глаза! Лига шла за Вайсом, тоже стараясь держаться прямо и с достоинством, как положено уверенному в себе человеку.

– Сирмайса вы найдете на ресепшен, – сказал этот Вайс и, слегка поклонившись, тут же ушел.

Она почувствовала что-то похожее на сожаление. С чего бы это?

– Вы Лига?

Еще одного потрясения она не ожидала. Менеджер Мартин оказался настоящим добрым молодцем из русской сказки. Богатырский рост, косая сажень в плечах, румянец во всю щеку и голубые глаза в пушистых ресницах. Венчал все это великолепие блондинистый кучерявый чуб. «Кудри вьются у лица, люблю Ваню молодца», – неожиданно всплыло в памяти. Боже ты мой, где они таких набрали?

– Инта говорила, вы в университете преподаете? – чуть наклонившись к ней и сверкнув зубами, спросил красавчик.

– Вроде того, – почему-то ответила Лига.

Что за «вроде того»? Почему «вроде того»? На лице Мартина мелькнуло недоумение.

– То есть я хотела сказать, что да, преподаю. Английский. Немецкий разговорный тоже хорошо. Русский. Ну... латышский, конечно.

И Лига почему-то добавила:

– Извините.

За что она извиняется? За то, что знает еще и латышский? Ну не дура ли?

– А с переводом у вас как?

«Так и сяк», – чуть было не ляпнула она, но вовремя одумалась.

– У меня была практика. В Питере экскурсоводом работала несколько лет.

Мартин, казалось, был удовлетворен.

– Если вы согласны, то можно приступать к работе с завтрашнего дня. Зарплата у нас, к сожалению, не так велика, как хотелось бы. Но когда проходят свадьбы или крупные корпоративы...

– А на корпоративах мне что надо делать? – испугалась она.

Не массовиком ли затейником ее нанимают?

– Да ничего особенного. Администратор в основном в отеле находится, но при большой загруженности помогает с гостями мероприятий.

– Поняла.

– Пойдемте, покажу ваше хозяйство и рабочее место. По пути все обсудим.

Отель расположился на третьем этаже и оказался небольшим и уютным.

– Работа администратора не слишком сложная, но ответственная, – наставлял ее новый начальник.

Они заглянули в номера, посмотрели документацию. Что-то Лига поняла, что-то не совсем, что-то не поняла вовсе и немного струхнула. А вдруг она не справится? Это все-таки совершенно другая профессия. На нее учиться надо.

В легком трансе от услышанного и увиденного она распрощалась с менеджером, который куда-то торопился, спустилась и увидела открытые двери, за которыми начинался... настоящий дворец! Перед ней раскинулась анфилада комнат, или, вернее сказать, покоев. Она увидела солидные

гладкие колонны, блестящий желтоватый паркет и люстры на длинных цепях.

– Хотите посмотреть?

От негромкого вкрадчивого голоса она вздрогнула, словно у нее над ухом рывкнул медведь. Андрис Вайс стоял позади и смотрел, как она, вытянув шею, пытается заглянуть за дверь ближнего зала. И чего это он подкрадывается? Так и описаться со страху можно!

– Нет, не хочу! – почти крикнула она и бросилась прочь.

Спиной, шеей и головой она чувствовала, что он смотрит ей вслед. Поди думает, что тетка больная на всю голову. Орет, мечется! Кошмар просто!

Выскочив из дворца, Лига проскакала еще метров двадцать, но в конце концов, немного успокоившись, пошла медленнее. Вот что она за человек? Так и норовит опозориться везде, где можно и, уж конечно, где нельзя!

В растрепанных чувствах Лига приплелась домой, проклиная эту затею и ругая себя, что в очередной раз позволила собой манипулировать. Амеба и есть!

– Ну что, взяли? Как тебе Мартин? – спросила сестра, едва открыв дверь.

– Инта, я туда не пойду!

Лига уже достаточно накрутила себя и собралась сопротивляться до последнего.

– Да чего ты! Подумаешь, в отеле поработать! Ерундовое дело! Фигня война, главное – маневры!

Инта фыркнула и, облизнув ложку, которую держала в руке, преспокойно удалилась на кухню.

Не давая себе сникнуть, на боевом взводе Лига пошла следом. Еще минут двадцать она стойко держалась. Инте даже пришлось всплакнуть, вызывая в сестре жалость к бедным сироткам – племянникам. В конце концов младшая выбросила белый флаг и даже согласилась выпить за удачу на новом месте. Они открыли бутылку «Бехеровки», которую Инта обожала, и закусили пирогом с ревенем.

Инта быстренько проглотила свой кусок и навалилась на сестру с расспросами. От нетерпения она вся искрутилась и постоянно вскакивала, мечась по маленькой кухне, как зверек. Хорек ты мой бесноватый, вяло подумала Лига. Она чувствовала себя измученной. Даже не измученной, а измочаленной! Казалось бы, что, собственно, произошло? Ну сходила, ну поговорила. Все ведь получилось. Она жевала пирог и думала о своей патологической трусости, а еще об Антоне. Звонка от него она безуспешно ждала все утро и уже почти весь день. А может, он звонил, просто за хлопотами и переживаниями она не услышала? Телефон остался в сумке. Надо сбегать в комнату и посмотреть. Она было подхвати-лась, но Инта стукнула ее по плечу:

– Ты что, уснула, сестричка? Я в десятый раз спрашиваю: что тебе сказал Мартин?

Лига внезапно обозлилась:

– Да что ты пристала со своим Мартином! Кто он вообще

такой, чтобы ты так бесновалась?

– Я? Бесновалась?

– Да ты ж мечешься, как... как... как леопард в клетке!

Хорьком она сестру все же побоялась назвать. Тут ей за Мишкой не угнаться.

– Я? Мечусь?

– Да у меня уже в глазах рябит! Ты что, роман успела завести?

Про роман она придумала только что и удивилась. Неужели в самом деле?

– Я? Роман?

– Чего ты заладила? Я! Я!

От усталости и недовольства собой Лига разозлилась еще больше.

– Ты меня послала на работу устраиваться, а сама только про любовника! Что Мартин? Да ничего! Он мне вообще не понравился! Какой-то лубочный! Как из сказки про Балду!

– Какую еще балду?

– Да не какую, а какого! Про Балду и его работника попа! То есть наоборот!

Обычно, когда они ссорились, Инта выходила из себя первой и сразу начинала громко орать, чтобы не дать сестре шанса взять над ней верх. Но тут она внезапно улыбнулась, уселась на свое место и заявила:

– Он мне не любовник, но я собираюсь стать его любовницей.

– Чего? – не поняла Лига.

Инта разлила «Бехеровку», выпила свою рюмку и запихала в рот очередной кусок пирога.

– У меня есть план. Чтобы вернуть Эдгарса, я должна сделать три вещи.

– Какие же?

– Во-первых, радикально сменить имидж, чтобы предстать перед ним обновленной и прекрасной. Потом – заставить его меня ревновать. Ревность – сильнейший мотиватор! Мужики – ужасные собственники! Когда он увидит, что на его место есть достойные претенденты, сразу очухается! Мол, такая корова нужна самому! Вот для чего нужен Мартин. Как только муженек увидит меня с ним, такую сексапильную и очаровательную, сразу домой запросится! Догоняешь?

– Не-а. Ты где это вычитала? В глянцевоm журнале?

– Не важно. Главное, проверено многократно!

– На ком? На кроликах?

– Слушай, хватит умничать! Ты-то что об этом знаешь?

– Слава богу, ничего! Но и так понятно, что все это ерунда. Макияж смоемся, ревность пройдет, а проблемы останутся. И не просто, а будут расти в геометрической прогрессии. Ты же ему каждую минуту будешь напоминать о том, как он тебя унизил.

– Не буду!

– Даже если не будешь, в чем я сильно сомневаюсь, все

равно забыть не сможешь. Помнишь, в восьмом классе я уронила твою коробочку с тенями для глаз и она разбилась?

– Конечно! Я ее только начала, а ты все тени испортила! До сих пор тебя, между прочим, не простила! Такие отличные тени были!

– Вот-вот! А это были всего лишь тени за двести рублей!

– Фигня! То тени, а то муж!

– Не вижу особой разницы! Дело вовсе не в них, а в тебе! Ты не умеешь прощать и мириться.

– Да, тут мне с тобой не сравниться! Ты как раз только и делаешь, что прощаешь и со всеми миришься! Думаешь, это лучше? Тебе плюй в глаза, все божья роса!

От того, что Инта была права, Лига обиделась.

– При чем тут я? Чего ты валишь с больной головы на здоровую? Я живу, как умею. Ни с кем не ссорюсь, никого не обижаю.

И мстительно добавила:

– И с Антоном у нас все отлично!

Лига тут же подумала: Инта сейчас ухватится за эту тему и начнет доказывать, что их с Антоном брак – сплошное не то! Она даже сжалась, предвкушая наезд, но сестра неожиданно примирительно сказала:

– Да ладно, чего ты? Давай еще по одной?

Незаметно для себя они почти опустошили бутылку и прикончили пирог. Спор решили не продолжать. Какой в этом прок? Они просто очень разные люди, даром что двой-

няшки!

Несколько раз Лига порывалась сходить за телефоном, чтобы проверить, не было ли звонка от мужа, но почему-то продолжала сидеть за столом.

– А третья вещь? – неожиданно вспомнив, спросила она.

– Какая?

Инта вытаращила не совсем трезвые очи.

– Ну, ты сказала, что должна сделать три вещи, чтобы вернуть Эглитиса. И что третье? Неужели стать миллионершей?

Сестра вздохнула:

– Да нет. Третье – полюбить себя.

– Что?

Лиге стало вдруг так смешно, что она чуть не подавилась.

– По... любить... самое... себя...

Инта захохотала и так зашлась, что из глаз потекли слезы. От их гомерического смеха на шатком столике начала дребезжать посуда, а в серванте звякнули рюмки. Даже чайник присоединился к общему веселью и радостно засвистел.

– Тише, мальчишек разбудим!

– Да некого будить! Их Айя забрала. Ну, которая внучка дяди Петериса. Пошли на реку.

– А ты не боишься отпускать их с чужим человеком?

– Да они ее лучше, чем меня, слушаются! – беспечно махнула рукой мамаша, снимая с плиты чайник.

Лига хотела поспорить с сестрой, но сил не было, да и «Бехеровка» закончилась вместе с ними. Зато они с Интой, ка-

жется, напились.

– Купи кипу пик, – попробовала сказать Лига. Так она делала всегда, когда хотела проверить степень собственной адекватности. Мишка научил.

Получилось что-то вроде «пупики пупик». Ничего, завтра получится лучше! Она молча встала и побрела в свою временную обитель. Легла, не раздеваясь, посмотрела на экран телефона и подумала, что все не так плохо, как кажется. Только вот Антон снова не позвонил. Двадцать два пропущенных от Мишки Абрамсона, и все. Поразмыслив, она решила, что не будет звонить ни тому, ни другому.

Потому что все мужики сволочи!

На этой здравой мысли Лига заснула.

За поворотом

Она проснулась почти сразу, как легла. Так, во всяком случае, ей показалось. В голове стоял перезвон. Откуда колокола?

Колокольный перезвон доносился из сотового. Мишка!

– Белка, ты чего, сурок бесхвостый, не отвечаешь? Я обзвонился весь! Вообще от рук отбилась, тетеря пучеглазая?

– Почему пучеглазая? – удивилась Лига.

– А ты в зеркало посмотри и поймешь!

Мишка довольно хихикнул. Он любил, когда люди реагировали на его зоологические обзывалки. Расспрашивали, любопытствовали.

Лига с трудом села на кровати и решила, что посмотреться в зеркало не будет ни за что.

– Ну и чего ты мне не звонишь? Не спрашиваешь, как у меня дела?

– Я звонила, а ты меня отфутболил, – вяло возмутилась Лига.

– Ну... я тогда был не в форме...

– Ты что, новую девицу завел? – догадалась она.

– Тьфу, тьфу, тьфу! Типун тебе на язык! У меня на них идиосинкразия!

– Надолго? – ехидно поинтересовалась подружка.

– Как пойдет! Но пока ни-ни! Я просто говорить не мог.

У меня в квартире менты этих горилл отмороженных повязали. Не мог же я при них!

– Каких горилл?

Господи, что происходит? Неужели Мишка вляпался во что-то еще?

– Да этих! Которые меня в подворотне отделали! Не врубаешься, что ли?

– А как они у тебя в квартире оказались? Ты что, их сам выпустил?

– Рехнулась? Они дверь выломали, прикинь! Догадались, орангутанги нечесанные, что я дома отсиживаюсь, сначала тарабанили, звонили, а потом рассвирепели и как бабахнут!

– Боже! А ты?

– Я в туалете сидел! – чуть ли не с гордостью объявил Мишка. – Меня там заперли, чтобы не мешал. Они дверь вышибли, в комнату полезли, а там их уже ждут! Трахтибдох! Бац! Бац! И эти койоты паршивые раскололись! Кто нанимал, зачем и тэдэ, и тэпэ!

– А тебя из туалета выпустить не забыли? – невинно поинтересовалась Лига.

– Белка, ты что, змея очковая, издеваешься над близким другом?

Мишкин голос трагически дрогнул. Лига усмехнулась. Артист больших и малых академических театров! Ну как такого не любить?

– Мишка, я скучаю по тебе.

– Я тоже, трясогузка ты белобокая.

– Белобокая вроде сорока?

– А ты хочешь, чтобы я тебя сорокой назвал?

– Не хочу, Миш. Я домой хочу.

– Не терпится вернуться к дорогой Тонечке под бочок?

На этот раз она не стала огрызаться.

– Представляешь, не могу до него дозвониться.

– Почему? Деньги на телефоне кончились?

– Просто он недоступен. Телефон выключен.

– Ой, только не придумывай, что он утонул в ванне! Ему это не грозит! Тонечки не тонут! Они всегда сверху плавают!

– Да я ничего и не придумываю. Он просто не хочет со мной говорить, и все!

– Обиделся, что ли! Ах ты горе какое! Да и хрен с ним, вальдшнепом облезлым!

Голос Мишки зазвенел от ярости:

– А ты небось уже вся извелась от чувства вины? Конечно, вместо того чтобы тетешкаться с мальчиком Антошей, помчалась спасать сестру! На целый месяц бросила одного! Зайку бросила хозяйка!

– Мишка!

– Что?!

– Хватит разоряться. Я все понимаю. Обещаю, что сама звонить ему не буду.

– Ха! Ха! Ха!

– Не веришь? Клянусь... чем хочешь! Позвонит – отвечу,

конечно!

– Через три дня! Обещай! Через три дня и то как бы нехотя!

– Так круто у меня не получится, наверное.

– А ты попробуй! Когда-то надо начинать! Обещай мне!

– Ну хорошо. Я постараюсь.

– Смотри. Я записал на диктофон. Если обманешь, подам в суд. Товарищеский.

Тут Лига спохватилась, что так и не узнала конец истории с бывшей женой. Мишка с удовольствием рассказал, что Звягинцев сдержал слово. Его ребята все сделали без шума и пыли. Отморозков приструнили, а бывшую жену напугали так, что она быстренько собралась и отправилась к маме в Тюменскую область.

– Я твоему полковнику через Мальцева передал большую человеческую благодарность. Не знаешь, он виски пьет?

– Не знаю, но не уверена, что это уместно.

– Всегда уместно. Я ж с ним пить не собираюсь, я просто подарю настоящий шотландский виски. Что скажешь?

– Это без меня, ладно, Миш?

– А ты чем в латышской деревне, собственно, заниматься собираешься?

Лига открыла рот, чтобы ответить, и тут с ужасом вспомнила, что сегодня у нее первый рабочий день в отеле Межотненского дворца. Она скосила глаза на будильник, который догадалась вчера поставить поближе, на стул. Ничего себе,

уже семь! Выходит, она почти десять часов спяну проспала?

– Мишка, все, не могу больше говорить! – завопила она в трубку.

– Диарея, что ли, настигла? – испугался лучший друг.

– Да! Я позвоню! Пока!

Она бросила телефон на кровать и помчалась приводить себя в порядок, если это, конечно, возможно после вчерашних возлияний. Душ в старом доме работал сутки через трое, но сегодня ей повезло. Торопливо просушивая волосы перед зеркалом, она вспомнила, как студенты искусствоведческого факультета к юбилею университета придумали забавный проект: изобразить всех преподавателей и особенно ректорат в образе известных исторических персон. Долго думали, кто на кого похож, искали портреты знаменитых людей. Потом наряжали препода в подходящую одежду, сажали в позу человека на картине и фотографировали.

Получилось весело и неожиданно интересно. Оказалось, что декан истфака поразительно похож на Столыпина, каким его изобразил Репин, заведующая отделом кадров безумно напоминает графиню Самойлову на портрете кисти Брюллова, а помощница ректора Верочка хороша сильнее, чем кружевница на картине Тропинина. Даже слесарь Вениамин, отсутствовавший в списке и случайно встретившийся авторам проекта в коридоре, идеально вписался в портрет великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского, написанный рукой Перова. Правда, сам Вениамин остался

недоволен. «Какого-то неказистого мне подобрали! – возмутился он. – Я на Льва Толстого больше похож!»

До Лиги они добрались в последнюю очередь. Наверное, ее невзрачное лицо никакую знаменитость не напоминало. Только одна девочка долго разглядывала ее, а потом зашла в мастерскую, где они организовали съемку, долго что-то делала с волосами, во что-то такое наряжала, пудрила лицо, потом посадила перед камерой и куда-то убежала. Лига осталась сидеть, не смея пошевелиться. Девочки не было довольно долго, а затем в мастерскую ввалилась целая толпа и замерла на пороге.

– Ну? – спросила девочка.

– Струйская... – выдохнула толпа.

Потом, когда Лига увидела фотографии, она и сама поразилась сходству. Как это может быть? Прекрасная Александра Струйская с портрета Рокотова и неприметная серенькая мышка Лига Белкина оказались похожи как две капли воды. Инта, и та была изумлена, когда увидела фото.

– Ничего себе! Вы с ней как близнецы, а мы с тобой будто вообще из разных пометов! Бывает же такое! А меня можно в кого-нибудь нарядить? Кажется, я очень похожа на Клеопатру.

Лига вспомнила, с какой завистью целых два семестра смотрели на нее все молодые преподавательницы универа. Да что преподавательницы! Стильные студентки с ее факультета, и те поглядывали с удивлением: неужели Лига Павлов-

на на самом деле может быть такой? Нежной, загадочной, притягательной.

Она досушила волосы и еще раз посмотрела на себя в зеркало. А может, им всем тогда не показалось, она и в самом деле такая? Темные глаза посмотрели в глубь себя. Как узнать, какая она на самом деле?

Впрочем, некогда раздумывать. Ее уже ждут на новой работе.

Андрис Вайс просмотрел вчерашние записи с видеокамер. Так всегда начинался его рабочий день. Ничего подозрительного обнаружено не было. Это хорошо. Вот только дядя Петерис, который приходил проверять вытяжки, каминны и печи, в этот раз ушел не в десять, как обычно, а почти в полночь. Андрис позвонил ночному дежурному. Тот признался, что старик пришел уже немного поддатый, ну и заснул после работы в каморке, где хранил свои инструменты. Хватились его не сразу, растолкали и выпроводили. Вот и все происшествие.

Заступая на дежурство, Андрис всегда обходил помещения дворца, несколько раз – само здание, те несколько построек, которые относились к дворцовому комплексу, и даже парк. Другие ребята предпочитали целый день паять в камеры и, как ни старался начальник заставить охранников почаще проводить «визуальный осмотр местности», выходили из дежурки редко. Лишь перед приходом командира или сдачей смены пробегали разок, да и то не везде.

Шагая по распускающемуся, волшебным благоухающему парку и внимательно осматривая территорию, Андрис в сотый раз удивлялся, что на свете есть люди, абсолютно невосприимчивые к красоте. Не равнодушные, нет, а именно невосприимчивые. Они видят и даже понимают ее ценность, но она их не цепляет. Ну да, дворцы, парки, картины – это красиво, ну и что? Так же они относятся и к женщинам. Красивая? Не то слово! С такой не стыдно хоть куда выйти! А дальше? Молиться на нее, что ли?

Он вспомнил свою мать в последние месяцы перед смертью. Рак выел ей все внутренности и сделал почти бестелесной. Напичканная обезболивающими, она лежала на кровати и смотрела перед собой, ждала смерти и думала только о ней. Ни о чем другом она думать просто не могла. Андрис сидел возле ее постели сутки напролет. Боялся, что стоит ему отлучиться и она уйдет навсегда. Он сидел и смотрел на ее неподвижное лицо, нежную, еще совсем молодую кожу, мягкие бледные губы, запавшие глаза с прозрачными веками, и мать казалась ему такой же прекрасной, какой он видел ее всегда. Он не замечал следов увядания и признаков приближающейся смерти. Он видел только красоту и очень боялся ее потерять.

Красота природы тоже не всегда очевидна. Поздней промозглой осенью все вокруг, кажется, только тоску нагоняет. Но и в этом есть своя, не всем видимая красота. А уж весной... Простая прогулка по парку, даже по служебной на-

добности – словно напиться чистой воды. Красота в чистом виде, и каждый день разная. Разве можно променять ее на душную дежурку?

Он завернул за угол и, уже подходя к главному зданию, заметил двух девушек. Они о чем-то разговаривали, стоя на дорожке, ведущей к круглому сооружению, похожему на основание для фонтана, устроенному перед фасадом дворца. Поговорив, они поцеловались и разошлись в разные стороны. В одной из них, той, что пошла к служебному входу, Вайс узнал вчерашнюю посетительницу. Как она представилась? Лига, сестра Инты? Значит, вторая, по-видимому, и есть Инта. Сестры, а совсем не похожи. Та, что Инта, вся такая крепкая, сбитая и, сразу видно, очень уверена в себе. Вон как шагает! Такой все нипочем! А та, что Лига, совсем другая. Ножки – прутики, ручки – веточки. И глаза! Еще вчера он заметил, что глаза у нее, как у оленя. Маленького печально-го оленя.

Он проводил глазами ту, что уходила прочь, и убедившись, что она покинула территорию комплекса, пошел следом за той, что зашла внутрь. Его предупредили, что в отеле появился новый администратор. Так это она и есть? Вчера он принял ее за подростка, а она, оказывается, преподаватель. Несколькими языками владеет. Надо же!

Ему очень хотелось на нее посмотреть, но вместо этого он прошел на свое рабочее место, проверил все камеры, заполнил отчетные формы и лишь потом глянул на тот квадратик

экрана, в котором была видна стойка администратора. Новенькая была на месте. Вот записала что-то в журнале, вот подняла трубку телефона и с кем-то поговорила, улыбаясь, вот зачем-то пересчитала ключи от номеров, а потом вышла из-за стойки и пошла по коридору. Он вспомнил, как она отскочила от него, когда он предложил показать дворец, и сразу умчалась прочь. Смешная.

Оторвать взгляд от ее спины ему удалось с трудом. Он заставил себя переключиться и стал думать о том, достаточно ли дома еды, чтобы хватило двум прожорливым мальчишкам на целый день. Уходя, он забыл заглянуть в холодильник, поэтому мысленно перебрал все продукты на полках. Алексу, пожалуй, достаточно полной сковородки картошки и пачки сосисок. А вот Жоре, о прожорливости которого ходили легенды, миски с супом явно будет маловато.

Он думал о них как о мальчишках, хотя один был собакой. Жорку они с братом вытащили из помойки, когда Алексу было десять. За два года слюнтявый щенок вырос в огромного и невозможно лохматого пса, которого они обожали и считали третьим полноправным членом семьи. Кроме повышенной лохматости, Жорка отличался ужасающим, не поддающимся никакой корректировке аппетитом и щенячьей добротой. Прокормить этого ласкового и нежного зверя было для Андриса настоящей головной болью. Вот и сейчас он сразу забеспокоился и решил, что через пару часов зайдет в ресторан – поинтересоваться насчет костей, которые остались по-

сле вчерашнего банкета.

Подумав об Алексе, он тут же набрал его номер. Телефон уже устал гудеть, а ответа не было. Спит, поросенок! А кто обещал утром развесить выстиранное белье? Машинка закончила стирать полчаса назад. Андрис набрал номер еще пару раз и в конце концов отказался от бесполезной затеи разбудить младшего брата. Ладно, посмотрим, кто кого.

В течение дня они с новенькой не столкнулись ни разу, но, глядя на экран, он успел разглядеть ее получше и даже составить приблизительный психологический портрет. Скорее по профессиональной привычке, чем из любопытства. Во всяком случае, ему хотелось так думать.

Итак, милая и скромная, при этом не притворяется, а такая и есть. Умненькая. Быстро ориентируется в пространстве и новых обязанностях. Довольно коммуникабельная. С людьми разговаривает хорошо и с гостями ведет себя правильно. Он наблюдал, как она регистрировала двух пожилых геев из Германии. Ничему не удивляясь, оформила номер и, выдавая ключи, улыбнулась так искренне, что хмурые немцы дружно осклабились в ответ. Андрис умел отличать настоящую улыбку от профессиональной. У новенькой она была самой натуральной, не «приклеенной». Хорошо она улыбается. Только темные глаза остаются печальными. Значит, есть о чем грустить. Или о ком. Кольца на руке нет. Может, в этом все дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.